

Как хладный пепел, бледен, желт лицом.
Он, как отшельник, вечно одинок,
Всю ночь рыдает, сетуя на рок,
А чуть услышит песнь иль струнный звон,
Безудержно и долго плачет он.
Так пал в нем дух и вместе естество
Так изменилось, что узнать его
По голосу и речи невозможно,
А вид изобличает непреложно
Не тот недуг, что бог Эрот дарит,
А манию, которую родит
Сок черной желчи в чаше головной,
Седалище фантазии шальной.
Ну, словом, повернулось все вверх дном
В Арсите, воздыхателе больном, -
Обличье, обхождение и стать...
Что мне о том весь день повествовать?
Претерпевал бедняжка год-другой
Всю эту муку, скорбь и непокой,
Как сказано, в стенах родимых Фив.
Вот раз лежал он, крепко опочив;
Меркурий, бог крылатый, над постелью
Явился вдруг, зовя его к веселью.
Волшебный жезл в руке его подъят,
А из-под шляпы волосы блестят.
Так он одет (Арсита видит сон),
Как в час, когда был Аргус усыплен.⁷⁹
И молвил бог: «Направь стопы в Афины:
Там ждет тебя конец твоей кручины».
При сих словах Арсита встал от сна.
«Поистине, сколь мука ни сильна, -
Он молвил, - я тотчас помчусь в Афины,
Меня не сдержит страх лихой кончины.
Увижу ту, кому, любя, служу.
И голову к ее ногам сложу».
Сказавши так, он в руки взял зеркало
И видит, что с лица вся краска спала,
Что стал его неузнаваем лик.
Тут помысел в уме его возник,
Что если так сменилось естество
От злой болезни, мучившей его,
То он, назвав себя простолюдином,
Ходить неузнан мог бы по Афинам
И дамой тешить день за днем свой взор.
Не медля, он переменял убор
И, нарядившись скромным бедняком,
С одним лишь сквайром, что уж был знаком
С его делами всеми без изъятья,
Одетым, как и он, в простое платье,
Вошел в Афины по прямой дороге
И, появившись в герцогском чертоге,
Там предложил услуги у ворот

⁷⁹ Хитроумный Меркурий убаюкал своей музыкой стоокого стража Аргуса и, усыпив, умертвил его.